

Глория Гервитц

КОЧЕВЬЯ

(MIGRACIONES)

перевод павла грушко

Глория Гервитц
КОЧЕВЬЯ

Глория Гервитц

КОЧЕВЬЯ
(MIGRACIONES)

ПОЭМА
1976–2022

перевод павла грушко

Бостон • 2022 • Boston

Глория Гервитц   **КОЧЕВЬЯ**
Gloria Gervitz   **MIGRACIONES**

Copyright © 1976–2022 by Gloria Gervitz

Del texto español: Gloria Gervitz, © 2022

Обложка: Мария Коренева, © 2022

Перевод с испанского: Павел Грушко, © 2022

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1950319770

Published by M•GRAPHICS | Boston, MA

☐ www.mgraphics-books.com

✉ mgraphics.books@gmail.com

Printed in the United States of America

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

С Глорией Гервитц я познакомился в конце 1988 года, во время первого посещения Мексики, и тогда же перевёл и опубликовал в Москве её небольшой, без названия и знаков препинания, текст:

*и пришли плетельщики стульев
и плотники с их брусьями из дуба и апельсинового дерева
и кузнецы с коваными перилами наподобие лиан
и цветочники и неповоротливые монтажники
орхидей клетки с кенарами в конце кирпичного коридора
красноклювый кардинал и австралийские попугаи
пахучие гардении и эта услада жизни
мне льют на волосы воду из тыквенной плошки
и делают громче радио я благоухаю мылом и розой
ширится радость мама поёт болеро*

К тому времени у Глории вышло три сборника, каждый повторял предыдущий с добавлением новой части. В одном из интервью она объяснила: «Год за годом я пишу поэму, которая у меня растёт, как дерево».

Эта поэма *на вырост* стала книгой, насчитывающей почти 300 страниц, в которой упомянутый выше текст находится лишь на 20-ой.

Уникальное произведение, с трудно постижимыми в отдельных местах взрывами чувств, где перемежаются еврейские традиции (предки Глории Гервитц были эмигрантами из России Украины и Польши), мексиканское католическое сознание (её няня была мексиканской католичкой) и древние индейские поверья (такова эта страна пирамид, где сегодня официально признаны 70 индейских языков...)

Я сравниваю эту поэму с симфонией. Но музыка бес-словесна, её слушают, не пересказывая. А переводчикам приходится оперировать словами на другом — своём — языке.

Начать с названия. Дублировать испанское *MIGRACIONES*, уходящее корнями в латынь, русским *МИГРАЦИИ*, представилось сомнительным. У этого русского слова меньше смыслов, чем у испанского, вызывающего в сознании такие понятия, как *перемещения, блуждания, скитания*, и наши смыслы, конечно, — *странствия, кочевья* (птиц и кочевников). Я остановился на последнем, но оставил также на обложке в скобках испанское название — *MIGRACIONES*.

Помимо перевода романа «Шоколад на крутом кипятке», где в своё время мне пришлось повозиться с множеством неведомых ингредиентов острой мексиканской кухни, я прожил в 2000-м году девять месяцев в городе Сакатекас, где пёстрые, многошумные воскресные базары ломятся от обилия столь же неведомых растений, плодов и живности. На вкус они мне знакомы, но, за неимением русских наименований, эти *не наши* пришлось толковать в Глоссарии.

Я не раз обращался к Глории за объяснением трудных для меня мест и порой слышал в ответ: «*Не знаю, так у меня само написалось*». В подобных случаях я говорил себе: «*Ну, что же, у меня так само перевелось*». Вполне допускаю, что и читатель не растеряется в трудных местах и скажет: «*Так услышалось*».

Текст всегда один. А его смыслов столько, сколько читателей.

Эту поэму-симфонию надо одолеть, как реку с её стремнинами, подводными течениями и заводьями. Хочу надеяться, что пловец на другом берегу испытает чувство радости и благодарности к замечательному мексиканскому поэту Глории Гервитц.

Павел Грушко

КОЧЕВЬЯ

(MIGRACIONES)

в кочевьях алых гвоздик где вскипают трели клювастых птиц
и ещё до гибели гниют яблоки
женщины ласкают свою грудь и трогают себя там
припудривают за чаем рисовой пудрой пот
вьюнки одолевают то что всегда неизменно
города пронзены мыслью
пепельная среда
старая няня глядит на нас из снопа света
вздыхают тёмные заводы
красновато-лиловые струи дождя
зной щерит пасть
луна тонет в проулке и негритянка
печальная негритянка поёт и всё ощутимей
ладанный дух гладиолусов
тёплые щупальца твоих пальцев проникают в меня
на нас хрупкая кожура осени
в квадрате парка
в разгар летней жары
когда особенно волнуют светлые тона
после *Шахарита**
забыты пресные упования
слабеют умиротворённые молитвой ветерки
густые заросли перечных деревьев
моя бабушка всегда играла одну и ту же сонату

* Здесь и далее *курсивом* выделены слова, которые постранично объясняются в конце книги в Глоссарии.

девочка ест мороженное в парке *Чапультепек*
плющ вьётся в тумане
дробится свет
вывешена на солнце одежда
бабушкина соната загадочна
ты сказала что было лето о! эта музыка
вторжение рассветных зорь
и нашествие зелени
внизу гомон играющих детей
продавцы орешков
дыхание жёлтых роз
и бабушка говорит мне по выходе из кинотеатра
мечтай моя девочка прекрасно мечтать о жизни
под ивой тонущей в зное беспокойно лишь беспокойству
послушные облака снижаются в тишину
день растворяется в горячем воздухе
зелёное вспыхивает внутри зелёного
под краном в ванне я раздвигаю ноги
струится вода
она проникает в меня
разгораются слова книги *Зохар*
всё те же вопросы
а я погружаюсь все глубже и глубже
в забытьё *Кол-Нидрея*
перед началом большого поста
в голубоватой духоте синагог
после и до *Рош ха-Шана*
в блёстках дождя
бабушка перебирает чётки
вдали ширится
гул *шофара* знаменуя новый год
на склоне разлук на северо-востоке
изливаются слова и слюна
череда бессонниц

а дальше к востоку
думая о тебе я убажваю себя
крики чаек на рассвете
пена на оторопи крыла
для тебя цвет и пора цветения бутенвиллий
пыльца осталась на моих пальцах
твой запах кислых фиалок разгорячённых пылью
слова не более чем длинная молитва
род безумства после безумства
ароматы заточены в клетки
радость беспредельна
сладострашие всё новых и новых рождений
неподвижный экстаз
не стой на месте
двигайся
не бойся
фотографии обесцвечены забродившей тишиной
открытые коридоры
лихорадка багровеет в других небесах
навощённые террасы под сенью акаций
свежевымытая посуда на кухне
фрукты и компоты
разливы рек
в ночах под ивами
в купальнях сна
в испарине женского лона
истекающей обильно и узнаваемо
я оставляю тебе цельной всю мою смерть
вся моя смерть тебе
с кем разговаривают перед смертью?
где ты?
где во мне я могу вообразить тебя?
множатся чудеса в церкви Санта-Клары
где атриум залит слезами

чернильные соцветья истёртого иврита
выплывают из свитков *Торы*
медленно струятся
дни испаряются
их терзает мигрень
я не нахожу себя
у меня нет даже свечей для моих поминок
я даже не знаю слов *Кадиша*
я утратила цель
где прерываются пульсы?
чем завершается последний обрывок сна?
дом на привязи у дерева на привязи у ветра
листва и её опаловая тень
наплывы эха
отзвуки
мы то о чём думаем
мысль таящаяся за другой мыслью
возвращаются журавли
распахивают своими крыльями тишину
недолговечные белые цветы в пустом небе
над городами в полдень
все дальше и дальше на юг
когда от зноя перехватывает дыханье у гор
всегда на юг
я предпочитаю держаться своих выдумок
и не вникать в то что явно
лучше грезить что я мертва
и не умирать от множества грёз измышляющих меня
я снова засыпаю и больше не грежу
свет спотыкается на острие дня
всё глуше стон деревьев
вечер твердит одно и то же
не делай паузы в явности
единственно обитаемом пространстве

мгновенная геометрия
тягучая глухая бессонница
рассвет исходит ливнем
солнце извергает свой мёд
и дождь идёт пока бабушка перебирает чётки
и дождь идёт пока по мне читают Кадиш
и с каждым днём я всё дальше и не знаю что делать
я не могу покинуть себя
и только в себе я познаю и чувствую других
фантазия пробуждается с каждым рассветом
обречённо учусь просыпаться снова становиться собой
что если я проснусь навсегда?
утро расплывается
порывы тёплой тишины
истончённые пространства
внезапные образования
прямоугольники
вижу части целого почти что запахи
у каждого уровня свой собственный кровоток
няня рядом со мной пока я собираю вещи в дорогу
плещут крыльями голуби вокруг спальни
я открываю окно
небольшие царапины ноют лишают сил
воспламеняют вечер
я не знаю кто я на самом деле
я то кем была
и кем хочу быть
полёт орхидей с чашечками отверстыми для соития
в полумраке едва различимые рядом
ласкают своё тело подруги
потому что это каждый раз словно впервые
потому что мы рождались не раз
и мы всегда возвращаемся
и распускаются цветы

а высоко-высоко парящие птицы замирают в полете
терзая друг друга в облаках
и ливневые облака наполняются крыльями
в бескрайности сна
я просыпаюсь уже почти ночь
я вхожу в кинотеатр
в Нью-Йорке идёт снег
я вхожу в другой кинотеатр
настоящее это просто условность
я спускаюсь
почти восемь утра
и это январь
мы творимся внутри себя
я проживаю мгновенные наслоения в плоской перспективе
и вытягиваюсь на вечера явных лишь для меня
за окнами остаётся нынешнее время
мне не знаком этот день
я захвачена другими моими днями
захвачена мной
я держусь за себя
и даже так даже так всё заканчивается
даже то что навсегда заканчивается
даже всегдашние обыкновения вконец заканчиваются
перенасыщенные мгновения удлиняются
достижимые в самораспаде
а я остаюсь запертой в этой комнате
а дождь не утихает
и я чувствую что всё ещё чувствую
всё ещё заставляю себя продолжать чувствовать
и страх заставляет меня побороть страх
и я заставляю себя покинуть себя
но зачем в это верить если по ту сторону моря
герань цветёт круглый год
и большие кофры полны жарких смолистых ароматов

они разливаются в незнакомых комнатах
притирания мыло одно овсяное другое из козьего молока
пшеничный тальк паста с привкусом жвачки
ополаскиватели чтобы день за днём распутывать волосы
жалюзи опалены зеленым солнцем *Куэрнаваки*
в самый разгар полдня девушка разглядывает свой пах
обилие ящериц и насекомых
я не уверена что спать это ещё и бодрствовать
руки мне мешают я не знаю куда их деть
медленный дождь почти перестал
всё застывает сковывает меня а дождь не унимается
открываются окна
внизу отмель
и вдали лёгкие как выдох корабли устремляются
к девушкам на фресках *Кносского дворца*
к девушкам явленным на сырой штукатурке
а кожа шелушится
а солнце в пыли
а дальше птицы
и приходим мы разве что к себе самим
но весь год в наплывах памяти цветёт герань
и ещё в памяти зелёные жалюзи
а живые жесты застывшие на дагерротипе
где они теперь?
в каком краю?
что-то стелется движется к исходу
я далеко от рассветов
от мужчин и от женщин
от привычек и от обычаев
я не противлюсь падению
небо мрачнеет
жёлтое неовозвратно
плавное падение
утрата цвета

СЛОМ

неуступчивость белого
и пишутся первые слова Торы
во искупление белого
в скорби белого
в отстранённости белого
я крепко держусь за жизнь
порывы солнца
и порывами ливень
синеватые разветвления
распущенные волосы и этот запах
запах наплывающий из детства
осталась жёлтая полоса
она дрожит исчезает вновь возникает
теперь надолго
издали кажется эскизом подсолнуха
теперь она смещается едва отличимая от белого
снова пронзает суть небытия
вновь наплывают сны цепляются за всё ещё желтую полосу
я не сдвинусь с места всё здесь и то что там тоже здесь
я ощущаю глубокое родство с прахом
пустое широкое пространство переменчивое и зоркое
я не могу одолеть воздух
и начинаю жить подобно дуновению
я хотела бы молиться но не знаю как молиться
я даже не знаю что я хочу сказать
всё тонет
всё безбрежно
осталось умиротворение
и то что мне неведомо
и ведь я не выдумала эту девушку
она сама пресуществилась во мне
тёмные розы прорастают в памяти
женщины заплетают волосы душат подмышки

запах полового созревания
в верхних и нижних еврейских кварталах утренней Сеговии
за пашнями юных евреек и христианских кабальеро
всё ещё подглядывают с мостов
рассказы из *Агады* захватывают меня
бодрствующую в переходах аэропортов
а в нейронных пейзажах у порога *Дельфийского оракула*
есть только один единственный ответ
нет немедленного объяснения
некий надрез
мама и её подруги играют в бридж
курят одну сигарету за другой
духи дам впитаны белизной блузок
смеркается
за окнами почти забытые перечные деревья
бледный ветер
душный запах плетёных кресел на старой крытой веранде
дом ветшает
вечность каменных садов
неотвязный ветер
листья завиваются пускаются в обратный путь
я просыпаюсь подругам зябко под ивами
тёмная прохладная веранда с шорохом белья
я расчесываю твои каштановые волосы
мы почти неподвижны
пыльца порошит угасающую память зеркал
я снова трогаю себя там это горячит мне одиноко
рассветы других ливней
любимая далекая
соучастие голоса
его настойчивость
я само падение
теперь я в пейзаже *сенсонтелей*-пересмешников
с каждым разом я всё ближе

когда бы я возобладала этой бескрайностью
у меня едва хватило бы сил очнуться в краткой смерти
свет бичует воздух
мы там где расцветают краски
эти долгие дни терзают как мигрень
и всё повторяется
деревья срываются с привязи
ночь распадается
а что потом?
правдиво лишь отражение сна которое я пытаюсь прогнать
о чём я и мечтать не смею
и я продолжаю копировать себя
а место встречи только лишь время
всё что ни есть время
там где двух-трёх веточек бугенвиллии в стакане воды
достаточно чтобы сотворить сад
потому что мы умираем в одиночестве
и смерть разве что пробуждение
от предыдущего сна жизни
а бабушка сказала по выходе из кино
мечтай прекрасно мечтать о жизни девушка
ржавеет свет лампадок
а я где нахожусь я?
я та же что всегда
так неожиданно быть
я пришла туда где начало где оно начинается
это и есть время
самое время очнуться
бабушка умерев зажигает субботние свечи и глядит на меня
суббота длится до никогда до после до прежде
моя бабушка умершая от грёз
бесконечно баюкает грёзу которая воображает её
которую воображаю я

безумная девушка глядит на меня изнутри

я непорочна

и пришли плетельщики стульев
и плотники с их брусьями из дуба и апельсинового дерева
и кузнецы с коваными перилами наподобие лиан
и цветочники и неповоротливые монтажники
орхидеи клетки с кенарами в конце кирпичного коридора
красноклювый кардинал и австралийские попугаи
пахучие гардении и эта услада жизни

мне льют на волосы воду из тыквенной плошки
и делают громче радио я благоухаю мылом и розой
ширится радость мама поёт *балеро*

почти готова комната для ритуальных омовений
стены натёрты миндальным маслом
слепит блеск мозаик и погружённых в бассейн скамеек
женщины депилируют ноги раскалённым воском
и окутанные эвкалиптовым паром воркуют как голубки

кроваво-красные облака бороздят вечернее небо
меняется прилив
сгинь день

меня натирают туберозой
и базиликом

поддерживают меня одурманенную
и оставляют витать на огненных облаках

я замираю на бамбуковой циновке
омываю влагалище и набухший клитор

и услада столь велика
что я мочусь

короткая стрижка делает меня уязвимой
куда я возвращаюсь?

я на якоре

нет пыли

предметы неподвижны

я всецело застыла в себе

в другом воспоминании

непостижимое прозрачно

занавески раздвигаются

женщина в окне

крылья деревьев преломлены светом

а в окне женщина

сцена после цели

в офисах телефоны заняты и секретарши снова и снова
перекладывают одну и ту же папку не ведая жив ли он

какая часть явности более хрупкая

я реальная

или какая я с виду для других?

крушение музыки
в коробках из-под гаванских сигар фотографии

на тончайших проводах вереницы ласточек
зной как бивень дикого кабана

солнце тонет в зное
а она с букетом белых калл высаживается в порту *Веракрус*

ты помнишь?

спинь память

спинь я

раскинувшись в плетеном кресле перед зеркалом
раздвинув ноги она наслаждается своим телом

вдали от оракула возбуждённая глубиной орхидей она
предвкушает уладу и в полудрёме касается вульвы
увлажнёнными слюной пальцами

кто та что изливаясь из меня тонет во мне самой?
я не устаю слушать песни *Болы де Ньеве*

синева после утренней мессы и последних завитушек дождя
всё как прежде

няня распутывает мои свежевывмытые волосы
заплетаёт в них шерстяные жгуты и наплывает запах кофе

почему ты меня разбудила?

РАЗМЫШЛЕНИЯ И БЛАГОДАРНОСТИ

Стихотворение дарит Слово, ты это чувствуешь почти физически. Сочиняя, испытываешь чувство Благодати, — блаженствуешь в Благодати. Этот дар даётся поэту при условии, что он сам способен дарить. Стихотворение — живая сущность, при каждом прочтении она иная и меняется по мере изменения жизненного опыта читателя, который соучаствует в этом процессе с поэтом.

Когда я начинала писать то, что стало «Кочевьями», я не знала, что это забег на дальнюю дистанцию, не понимала, куда это ведёт. Первые шесть лет написанное оставалось необработанным, сырым. Но в конце 1976 года, помню, я написала *«безумная девушка глядит на меня изнутри \ я непорочна»*, и поняла, что я внутри, что это моё сознание, и оно изрекло также строки, ставшие началом поэмы: *«в кочевьях алых гвоздик где вскипают трели клювастых птиц \ и ещё до гибели гниют яблоки...»*. Я не знала, что эти строки выражают, они показались мне немного сумасшедшими, но я осмелилась их написать, и словно что-то открылось, начало струиться и стало тем, что сложилось в первую часть стихотворения под названием «Шахарит», — на иврите это молитва, которая произносится утром. Я и сейчас не понимаю, что означают эти строки. Так уж написалось. И я разрешила себе продолжить начатое, не зная ещё, что эти стихи станут проектом всей моей жизни.

Поэзия рассчитывает на отзывчивость читателя, может случиться, что, прочитав стихотворение, он закроет книгу и даже не вспомнит о прочитанном. Необходима восприимчивость к подобной поэзии. Я, например, читала Бродского в хороших переводах, особенно на английский, признаю, что он хороший поэт, но я его не воспринимаю, то же самое происходит у меня с Оденем, которым восхищался Бродский.

Дело, конечно, во мне, а не в них. Я больше связана с поэзией, которую назвала бы интуитивной, порывистой (упаси боже, от пошлых определений *душевная* или *исповедальная*). Для того, чтобы поэзия обрела силу, она должна пройти через разум, одно только чувство ведёт к сентиментальности, порождающей множество клише. Поэту меньше всего следует судить о собственной поэзии, он недостаточно объективен (почти всегда его жизненный опыт подавляет стихи). Лучший судья стихов — Время. Оно лечит от любования собственными опусами, учит сдерживать нетерпение, безусловно, несовместимое с поэзией, избавляет от самолюбования, помогает, насколько это возможно, дистанцироваться от собственных текстов и, таким образом, видеть их почти так, как если бы не вы их сочинили.

Стихи никоим образом нельзя призывать. Не получится. Я обнаружила: когда я заставляла себя писать (шло время, и мне было горько думать — а вдруг я иссякла как поэт), то, что выходило из-под пера, будучи хорошо написанным (я ведь обладала определенным профессионализмом), оказывалось пустышкой. Не хватало самого важного, — порыва. И мне, нетерпеливой, пришлось научиться терпению, быть наготове, ждать, когда стихотворение само явится мне.

В ту пору, после сорока четырех лет обитания в поэме, после пятидесяти лет стихотворчества, я оказалась у подножия храма и обручилась с поэзией, обрела разрешение писать. Сегодня «Кочевья» — версия, которую я считаю окончательной, она наиболее близка к тому, о чем просила сама Поэма, к тому, что она и я смогли достичь. После всех этих лет и множества строк, которые я написала и отвергла, добавила, усилила и изменила, это и есть то, что, будучи очищенным, осталось. Я жила, чтобы дождаться Поэмы, встретить её, оказаться внутри.

Это был союз, похожий на единение монахинь с Богом. Хотя я по происхождению еврейка, я позволяю себе эту метафору (к слову, многие монахини происходили из обращенных еврейских семей, как, например, великая Санта-Тереса).

Моя Поэма познала засуху, долгие периоды бесплодного письма, но она оставалась. И возвращалась. Подобно монахиням, которые реально ощущают связь с Богом, чувствуют, что Он говорит с ними, ощущают Его присутствие. При написании Поэмы я чувствовала ту же напряженную силу, с какой монахини чувствуют Бога, пребывают в Боге и с Богом. Это сила экстатическая. Накал сохранялся, но оставались и сомнения.

Меня спрашивали, какие авторы повлияли на меня. Я не знаю. Честно, не знаю. С годами я убедилась, что на человека могут даже влиять авторы, которых он отвергает, и вещи, которые он не принимает.

«Мы — то, что мы думаем».* А в какой мере нас творит сон? В большой мере. Я могла бы повторить за Кальдероном де ла Барка, что *жизнь — есть сон*. Немалая часть нашей жизни воображена нами наяву и в сновидениях, имеющих мало общего с реальностью.

Я уверовала, что поэзия — самая, что ни на есть Тайна с большой буквы, и состоит она не только из воспоминаний и снов, но и предчувствий. За четырнадцать лет до смерти отца, — а до этого я не видела чьей-либо смерти, — я написала: «*мои мертвые такие же реальные, как я, и я говорю с ними на русском и на идиш*». Отец приехал в Мексику из России в 1929 году, ему было неполных девять лет. В его доме на родине говорили на обоих языках, больше на русском. В последние дни жизни папа не произнёс ни слова на испанском, говорил только на русском и на идиш. Я не слышала, чтобы в Мексике он говорил раньше на этих языках.

Порой я не понимала, что именно мне сообщают некоторые части Поэмы; только потом, иногда много лет спустя, я догадывалась об этом. Поэзия творится в некоем предсознании. Искусство в целом является частью нас, мы не знаем, ка-

* Из Будды: «Мы — то, что мы думаем. Все, что мы есть, возникает с нашими мыслями. Своими мыслями мы создаем мир».

кой именно, и она имеет свою логику, которая отличается от той, что мы используем в повседневной жизни.

*я не знаю кто я на самом деле
я то кем была и кем я хочу быть*

Все голоса в стихотворении — женские. И есть голос влекущий, своего рода *возничий*, но в основном все голоса — я, которое превосходит меня самоё. Голос, влекущий стихотворение, принадлежит и не принадлежит мне; наиболее частая собеседница этого голоса — моя мать, но также бабушка и няня; многие я внутри них и внутри меня — это архетип Матери, который связан с моей матерью, но превосходит её. Моя мать отчасти послужила мне для написания стихов. Я очень её любила, но она была трудной, холодной и далёкой матерью... Я думаю, она тоже любила меня, очень любила, но не так, как я хотела, чтобы она меня любила. Она была и остается для меня загадкой, Великой загадкой. И чтобы я осмелилась заговорить с ней, как я начала с ней говорить в Поэме, должны были пройти годы после её смерти. Многое в нас принадлежит нашим умершим и зависит от того, насколько сильно ты к ним привязана. Возможно, ты осмеливаешься задавать им вопросы потому, что они мертвы, их смерть позволяет нам открыть своё сердце, рассказать то, что мы от них утаивали.

*и я нынешняя
прощаю себя былую*

Сколько из нас мы предаём, чтобы стать нынешними? И если мы не станем теми, кем мы являемся больше всего, предательства ещё больше. Ты не одна в себе самой, — среди всех, кем ты являешься, есть те, кем ты, вероятно, должна быть, кем тебя обязали быть и/или та, кого принуждали делать что-то против твоей воли. Однако, тех, кто *ты* на самом деле, ты сама

не обретёшь никогда. Есть люди, которые предают себя много раз и таким образом обретаюТ более подлинное, более независимое, более истинное я, и есть те, что предают себя, потому что живут и умирают, не задаваясь вопросами. И так живут всю жизнь...

Поэзия ведёт меня к музыке тишины, я люблю слушать тишину, она мне нужна, я провожу в ней много времени. Я узнала разные нюансы и текстуры тишины. Тишина позволяет мне погрузиться в слова и их музыку. И есть реальная музыка, к которой я всегда возвращаюсь и которая меня волнует, это — *болеро*, моя мама постоянно его слушала. Ей нравились трио, песни Агустина Лары и Армандо Мансанеро. Позже я открыла для себя кубинское болеро и пресловутый *филлин**, о котором говорят, что занеможешь любовью, если будешь его много слушать...

и в конце концов что я сделала со своей жизнью?

Как узнать, делаешь ли ты со своей жизнью именно то, что хочешь? Когда делаешь то, что нужно, вместо того, что хочешь сделать? Всё это вопросы, которые мы уносим в могилу.

Юнг писал, что мы проводим половину жизни или больше с идеями и поведением, которые нам навязывают, даже не сознавая того, и забываем, что мы на самом деле хотим и чем являемся. Если повезёт, в какой-то момент начинаешь смотреть на мир собственными глазами, думать самостоятельно и тогда видишь, что многие вещи не такие, как уверяли. Это длительный процесс, порой болезненный, но он приведёт к пониманию того, кто ты в действительности.

Эротическая и лично-эротическая темы в Поэме — реальны. Я не избегала их, мы редко говорим о том, что нас действительно волнует.

* Искажённое в кубинском сленге *feeling* (англ.) — эмоция, переживание, чувство.

Поэма полна вопросов, которые приводят к другим вопросам, на которые по сути нет ответа, и, возможно, именно там больше всего присутствует моё еврейское наследие, как у исследователей Талмуда, многочисленные толкования которых являются лишь иной формой вопросов.

Необычное размещение слов и строк на некоторых страницах также является неотъемлемой частью поэмы, — словно слова вышли на белую сцену Тишины. Белое безмолвие страниц придаёт энергию словам.

Поэма начинается со спуска, внизу которого и возникают первые строки текста, — они пришли издалека, из ниоткуда, и написаны сплошь строчными буквами. Есть страница только с одной обнажённой, сиротливой фразой, её сила, повторюсь, — во всей той тишине, которая её опекает в её одиночестве. Нет никого, ничего, одна только боль и беспредельность белого. И есть страницы, на которых слова и обрывки строк кропят белое поле, словно капли дождя или слезинки.

Были годы, когда белое заливало всё, топило во мне слова, и я тонула в безмолвии, в его беспредельности, пока неожиданно слова не вернулись ко мне, они вернулись, стремительные, при всей печали моего семидесятилетия, — слетелись, словно бабочки-монархи* в заповедники штата Мичоакан, обернувшись сочными, дурманными воспоминаниями, исполненные музыки.

Первые десять страниц поэмы читаются быстро, один образ следует за другим, то же самое происходит с описанием рынка. Я люблю рынки, одно наслаждение покупать и выбирать фрукты, смотреть на них, трогать их, — такое тут множество ароматов и цветов, такое разнообразие овощей, сыров, колбас, перцев, цветов, — снуют люди, шум и гам...

* В лесах мексиканского штата Мичоакан находятся знаменитые биосферные заповедники, куда прилетают зимой бабочки-монархи.

Я бывала на многих рынках, но мексиканский рынок в Оахаке — самый занимательный, в негоходишь как в мир волшебства.

Поэма была верна мне, а я ей, именно поэтому она могла мне доверительно рассказывать, а я — записывать. И у неё не меньше вопросов, чем у меня.

В Бхагавадгите есть строка, которая гласит: *«Работай так, как если бы работа была для чего-то нужна»*. Назвать ли моё сочинительство работой? Думаю, просто это было занятие, самое моё во мне, самое истинное, настолько истинное, что я не знаю, в чём эта её истина.

И даже если я надеюсь умереть менее глупой, чем то, как я жила столько лет (нечто подобное говорит Маргерит Юрсенар), я не могу ни вычеркнуть прожитое, ни стереть, ни изменить его, — прожитое пропитало меня со всеми провалами, в которые я попадала не один раз. Мы говорим: *«наконец-то мы поняли что к чему»* и совершаем те же ошибки. Меняется контекст, меняются обстоятельства, но суть та же. Возможно, я, пишущая это, поумнела, не столь глупа и не столь греховна, но с годами всё более уязвима, и чем ближе к смерти, тем ещё больше полна жизни...

*почему самые прекрасные дни обрамляют смерть?
разве не в расцвете сил сделал хакаки Мицума?^{*}
так же и любовь в конце жизни*

Поэзия — способ самовыражения. Поль Валери говорит, что, сочиняя, мы делаем перевод нашего *self* ^{*}, коим также являешься ты, читающий меня и переводящий себя, читая меня и читая себя самого через посредство стихотворения, которое ты, читатель, присваиваешь.

А Поэма была сама по себе, я её сочинила, повинувшись ей, подчинилась её тирании, её очень долгим периодам, многочисленным препятствиям на пути у нас обеих, она

^{*} Юкио Мицума (1925-1970) — японский писатель и драматург.

^{**} *Self* (англ.) — сам, собственная личность.

хотела мне поведать что-то, а я глухая, она уступала мне дорогу, а я в сторону, так было много раз. Но часто мы сходились дружески, и радость от подобных встреч была превеликой. Я не знаю, кто кого заключал в себе, не знаю, я была куколкой бабочки или куколкой была она, не знаю, она одолжила мне свой голос или её голос это мой голос, и, тем не менее, некоторые слова, даже будучи неизъяснимыми, говорят, и говорят они с нами.

А взгляд, жалостливый и в то же время безжалостный, — как далеко он позволил мне видеть?

А блуждания в Поэме — *работают ли так, как если бы работа была для чего-то нужна*, как сказано в Бхагавадгите?

У меня не было плана. Поэма родилась из себя самой и, родившись, обрела свободу, и я, обнаружив это, изумилась, это было открытие меня через неё, она навязала мне своё время и структуру, и, возможно, поэзия стала мостом, который я перекинула от себя к себе, от моего *я* к другому *я*, которому ведомо то, чего я не знаю, и оно беседует со мной и с собой, и каждый раз удивляет меня и привечает в этом её и моём лоне, и говорит мне то, в чём я узнаю себя.

Эта Поэма стала долгой дорогой ко мне.

Однажды я узнала, что старые *даосы* могли несколько раз обойти мир, не покидая своих келий. Великие путешествия — всегда вовнутрь. Не похищают ли нас стихи, когда мы пишем, как Плутон — Персефону*, чтобы поведать тайну, потому что написание стихов — Тайнство, состояние духа, преобразование. Опыт пребывания в этом шире, чем можно себе представить. Это акт смелости, а стихи — как беглые наброски, подобно дневнику Басё или фотографиям поездки, когда вы их показываете, а они почти ничего не говорят о том, что там на самом деле. Поэзия иногда даже не связана с конкретным фактом её написания, важно находиться там, и это *там* — место, где сердцу открывается вся его необъятность.

* В древнегреческой мифологии богиня Персефона — супруга Плутона, повелителя загробного мира, который похитил её и увлёк в своё царство.

Китайцы говорят, что поэзия облакает в слова то, о чём думаешь. У них *ши ян ши* — обозначает не только тех, кто пишет слова, но и тех, кто их читает и переписывает при чтении. Вот и я самые красивые, самые приятные поездки, самые чудесные экспедиции за границу совершила с Поэзией, через Неё и благодаря Ей, потому что Поэзия всегда подарок, а хорошие стихи мудрее своего автора. Моя Поэма живёт собственной жизнью, и поэтому, думаю, её судьба, как и моя, непредсказуема.

Стихи меняются так же, как меняемся мы, они преобразуются и преобразуют нас, и дело поэта — помочь им стать такими, какими они хотят быть. Вы пишете стихи не для того, чтобы их прочесть, это нечто другое, совсем другое.

По Борхесу литература — *управляемый сон*, и обычно мы описываем не сам предмет, а то, что мы о нем думаем.

Висенте Ундобро был прав, когда написал: *«О Поэты, почему вы воспеваете розу! Заставьте её цвести в стихотворении»*.

А к словам Октавио Паса о том, что стихотворчество — это рутинная Тайна, времяпрепровождение и Таинство, ремесло и Страсть, я бы добавила, что это ещё и акт Веры, и повторила бы тот же отрывок из Бхагавадгиты, в котором Кришна говорит Арджуне: *«Работай так, как если бы работа была для чего-то нужна»*.

Кочевье оплачивается тоской. Всегда. Тоскуешь по тому, чего больше нет. Ни ты, ни место, которое ты покинул, никогда не будут такими, какими были. Ты никогда не вернёшься, даже если вернёшься. Всегда есть утраты и есть обретения, всё в постоянном движении.

Кочевье отличается от изгнания. Птицы кочуют в поисках пищи или в поисках пары для сохранения рода. А почему кочует Поэт, что он ищет? Он ищет себя.

Мои кочевья в основном внутренние, хотя в стихотворении есть и внешние кочевья. Название объединяет те и другие.

До 2016 года у этого длинного текста были подзаголовки и эпиграфы, и мне потребовалось время, чтобы понять: на самом деле я пишу только одно сплошное стихотворение — Поэму. Это было своего рода откровение, не знаю, как сказать по-другому, и длилось это всего несколько минут. В необъяснимом наитии, которое излучает поэзия, я поняла, что девять частей, деливших к тому времени текст, были единой совокупностью, потоком, не требующим подзаголовков, эпиграфов, заглавных букв, точек и запятых, — сам текст просил меня удалить перемычки, позволить ему вольно течь, — и я послушно отпустила его на волю.

Так мы отделились друг от друга, так я освободила текст от себя и осталась без него и почти без самой себя, — теперь это Поэма, она свободна, и мне грустно оставаться с этим *empty nest**, с этой *emptiness****, так должно было случиться. И это пустое гнездо подарило мне чувство благодарности за то, что я смогла написать сопровождавшую меня так долго Поэму, закончить её, — чувство благодарности за всё то время, которое было мне дано, чтобы сделать это и доставить Поэму к месту назначения, позволить ей течь к этому месту, наделило её тем, что я посылать могла ей отдать.

После всех этих лет, я уяснила: величайший урок, преподанный мне «Кочевьями», — это возможность отрешения. Поэтам и художникам свойствен нарциссизм, когда мы начинаем себя уверять, будто всё написанное нами неповторимо, а самое последнее особенно прекрасно. Но если ты слушаешь стихотворение, а не только себя, оно подскажет, что излишне и чего недостаёт. Между 2015 и 2019 годами я написала более сотни страниц и удалила многие, и была удивлена, что одна из частей, пострадавшая больше других, носила подзаголовок «*Lethe*»***. Она мне нравилась, я часто читала её на поэтических вечерах и фести-

* *Empty nest* (англ.), пустое гнездо.

** *Emptiness* (англ.), пустота.

*** *Lethe* (англ.), Лета — река забвения в подземном царстве.

валях, но вдруг поняла, что это одна из худших частей и... предала её забвению.

Я задаюсь вопросом: в чем суть моей Поэмы? Не знаю... У неё было несколько сердец, когда она была разделена на части. А теперь, когда она похожа на живое существо и стала одним единым текстом, — где её единственное сердце? Возможно, она как луковица: чтобы добраться до сердцевины, надо снимать одну чешуйку за другой, при этом не обходится без слёз. И у «Кочевий», как у луковицы, сердце не в одном месте, а в разных, — это чешуйки, одна на другой, мне больше нравится как это на английском — *layers and layers and layers**, и, возможно, сердце Поэмы обнаруживается по мере её последовательного обнажения, развития?

Больно ли писать? И да и нет. Кто-то пишет, потому что есть пустота, о существовании которой мы не подозреваем, и поэзия — способ ее замаскировать, да, есть боль и есть поиск неведомо чего и для чего. Гастон Башляр** говорил, что стихи в момент их написания приносят радость от возможности выразить словами то, что чувствуешь, даже если то, о чём пишешь, грустно. Когда действительно испытываешь боль, ты не можешь писать, она сжигает тебя, охватывает всё и вся, и ты в момент написания — сама немота. Но как только находишь для боли слова, она уже не так ранит.

Что касается меня... Я сейчас очень боюсь стареть. Я вижу, как старость начинает смотреть на меня в упор, и понимаю, что другой собеседник в «Кочевьях» — Страх. Просто-напросто страх. Он настолько сильный, что почти физически присутствует в Поэме, именно сейчас он устался на меня. Смотрит и смотрит, и я боюсь его всё больше и больше.

В одной из частей Поэмы говорится о теле, которое удивленно смотрит на себя, видя, как оно стареет. Я написала это почти двадцать лет назад без страха, а сейчас мне страшно. Поэма не имеет хронологического порядка, как и жизнь.

* *Layers and layers and layers* (англ.), слой на слое.

**Гастон Башляр — французский философ и искусствовед (1884-1962).

И сейчас, со всем этим и со своим страхом, я — на седьмом десятке лет, которые были самыми творческими, самыми полными, самым радостными, но и самыми непростыми. Впервые я откочевала в другую страну со всеми вытекающими последствиями, потому что горячо влюбилась и позволила себе то, на что никогда не осмелилась бы раньше.

Ещё я безмерно рада вручённой мне недавно премии *Иbero-американской поэзии имени Пабло Неруды за 2019 год* — первой и единственной награде, которую я получила.

И я благодарна переводчикам и редакторам, чьи усилия, талант и профессионализм сделали возможным продлить кочевье моих «Кочевий» во многих странах, на разных языках.

И вот я здесь, в мои семьдесят восемь лет, с моей Поэмой, обживавшей меня сорок четыре года, в течение которых мы меняли друг друга и находили взаимное прибежище, сочиня друг друга и взаимно обучаясь, и поскольку Поэзия — дар и даруется поэту, чтобы быть даримой, — я и вручаю вам мои «Кочевья».

Глория Гервиту

Январь 2022 г.

«КОЧЕВЬЯ» — поэма величиной с целую книгу и длиной в целую жизнь — уникальное произведение выдающейся мексиканской поэтессы Глории Гервитц (1943 г.р.).

Это эпическое стихотворное странствие через личные и коллективные воспоминания женщин-эмигрантов из Восточной Европы, исповедь, охватывающая две тысячи лет поэзии, мост, соединяющий оракулы древней Греции и пёстрые рынки современной Мексики, молитва, в которой сочетаются еврейская и католическая литургии, становление и голос мексиканки, исполненный мудрости предков и напряжённого эротического чувства.

По своему охвату, смелости и поразительной жизненной силе необыкновенный труд Глории Гервитц сравнивается современной критикой с творческими достижениями Уолта Уитмена, Эзры Паунда и Лорин Нидеккер.

Непростая по структуре и содержанию книга, переведённая на десятки языков, предстаёт теперь русскому читателю в переводе известного поэта и испаниста Павла Грушко.

